
МУРЗИЛКА
N-4
Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников младших классов
АПРЕЛЬ
1952

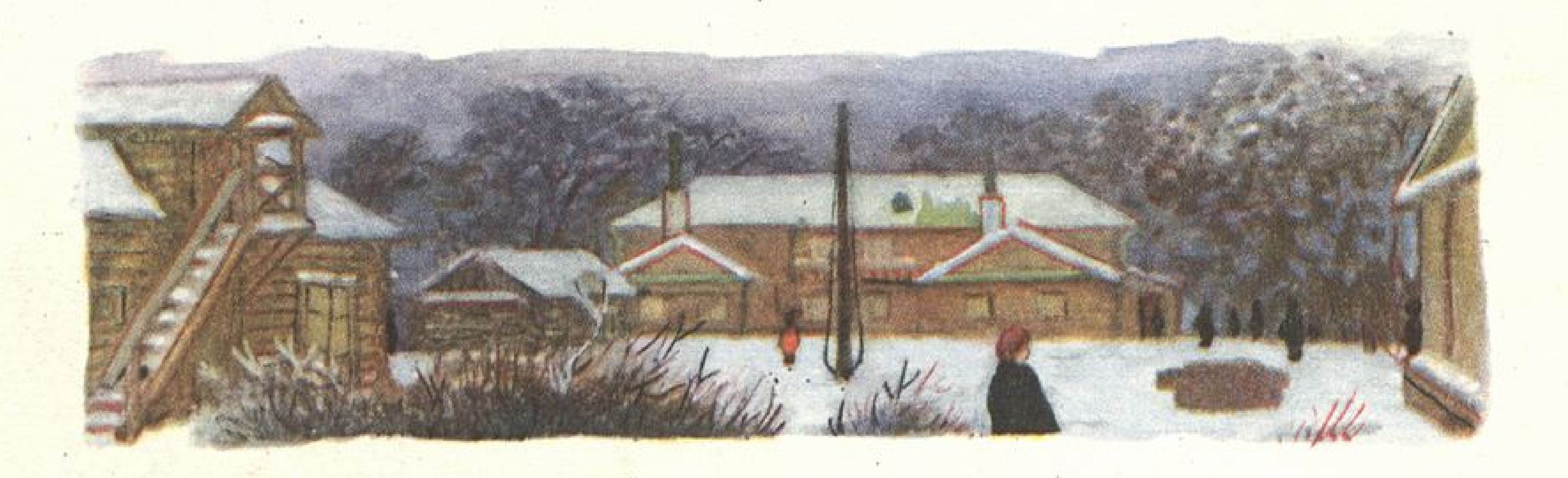
СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

Рис. Ю. КОРОВИНА

НА РОДИНЕ ЛЕНИНА

Родился Ленин в тихом городке —
В Симбирске,
Что на Волге, на реке.

То было много лет тому назад,
Но до сих пор
Там есть и дом и сад,

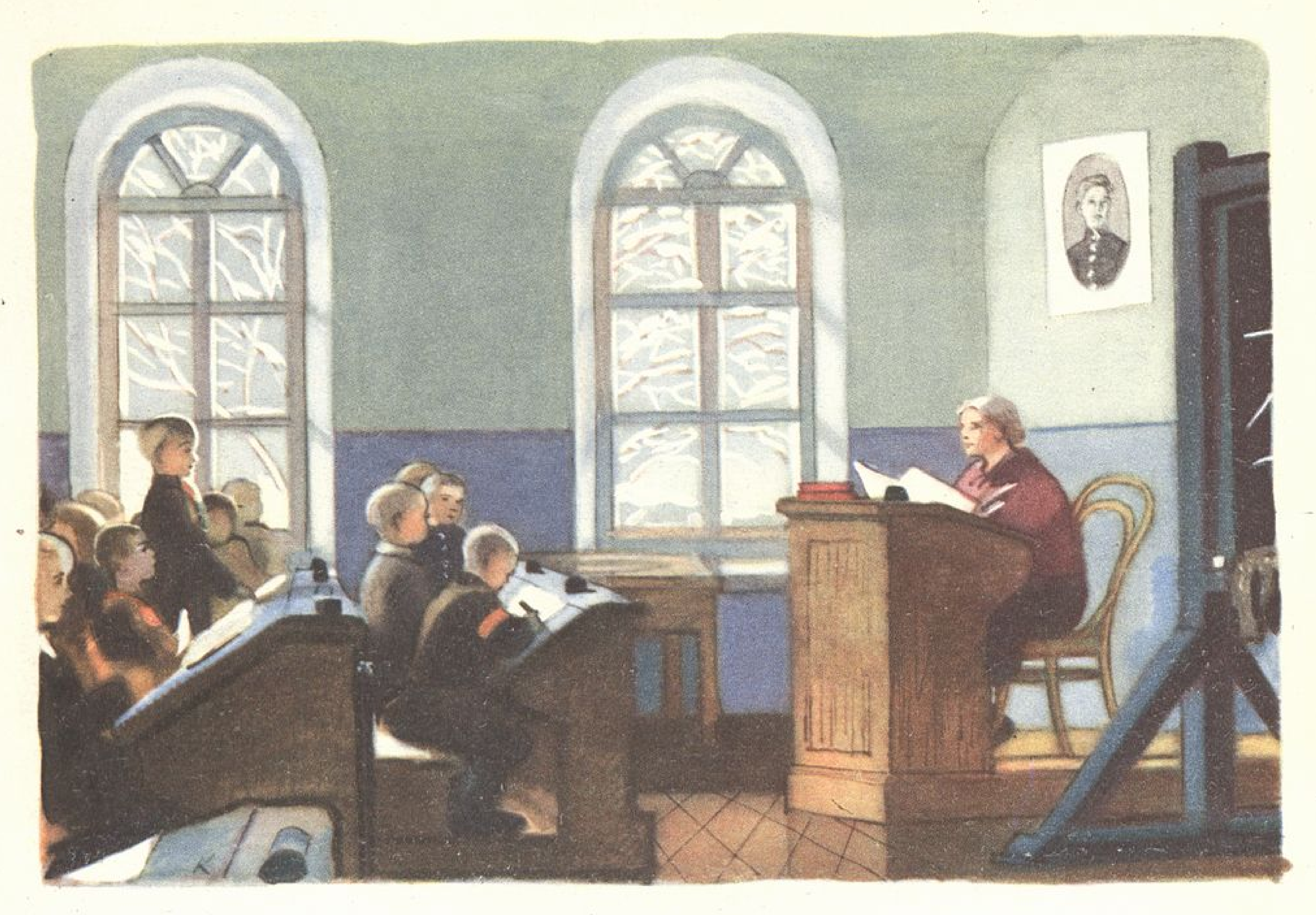

Комната Володи Ульянова в Доме-музее.

Где юный Ленин рос
И где мечтал,
Где из ребёнка юношею стал.

Нам дорог этот сад
И этот дом,
Что мы сейчас храним и бережём.

Заветный дом.
Он превращён в музей.
Сюда приходит множество гостей.
И в этом месте, памятном для нас,
Звучит в тиши волнующий рассказ
О мальчике, который с юных лет
Мечтал о том,
Как дать народу свет,
Чтоб с плеч своих навеки сбросил гнёт
На всей земле трудящийся народ.

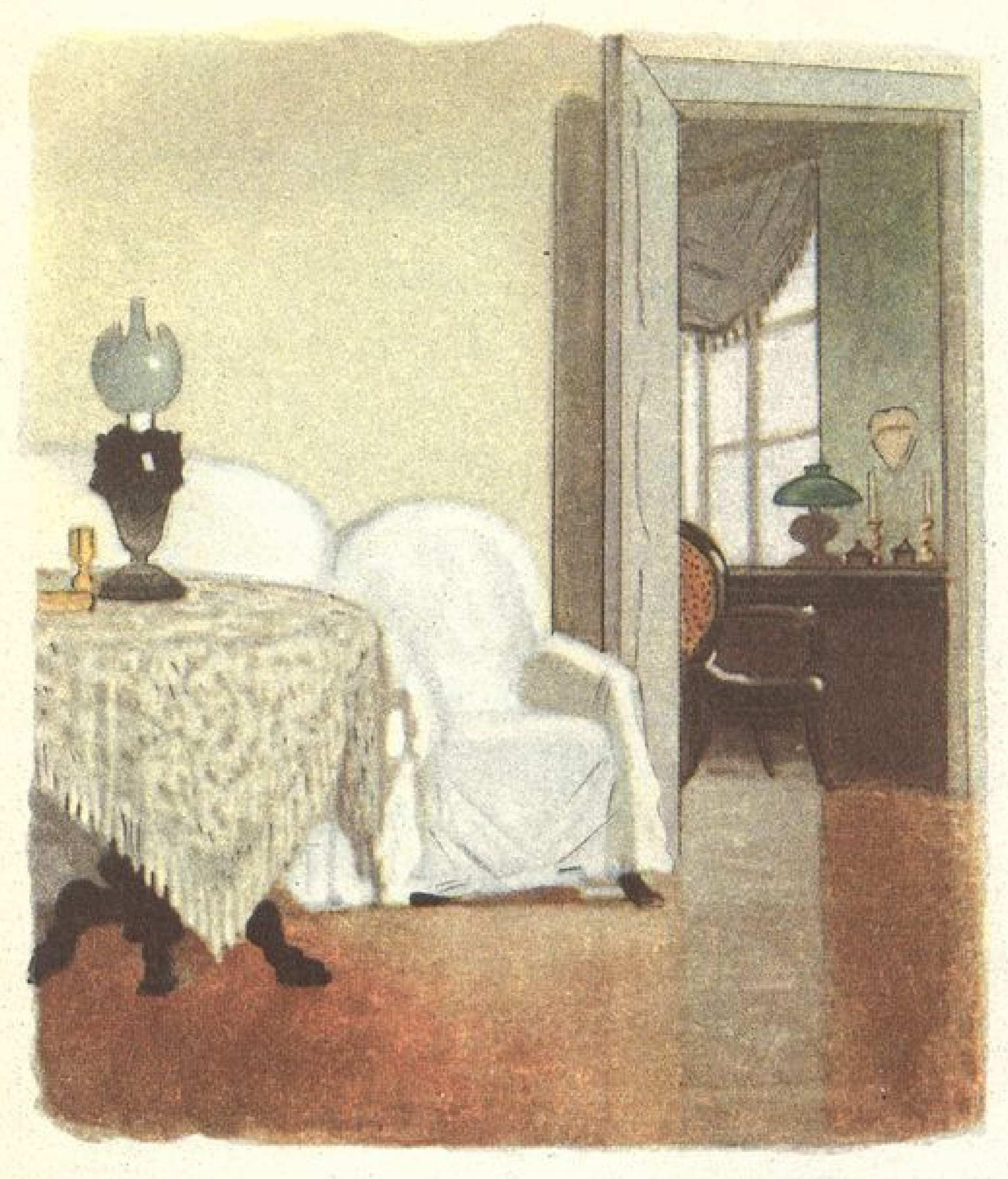
Класс, в котором учился Володя Ульянов. Теперь здесь занимаются ученики 4-го класса мужской средней школы г. Ульяновска.

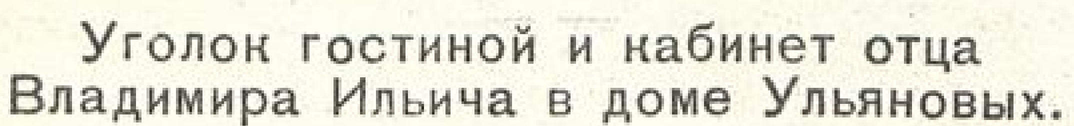
Мы в городе,
Где в детстве Ленин жил...
Вот здесь он рос и с братьями дружил.

По этой улице в гимназию бежал.
Здесь первый раз экзамены держал.

Мы входим в класс.
Здесь, в классе, парта есть, —
Сидеть за ней особенная честь!
За ней сидел Ульянов-гимназист,
А он учился на похвальный лист!

Мы входим в дом, дыханье затая...
Вот здесь жила Ульяновых семья.

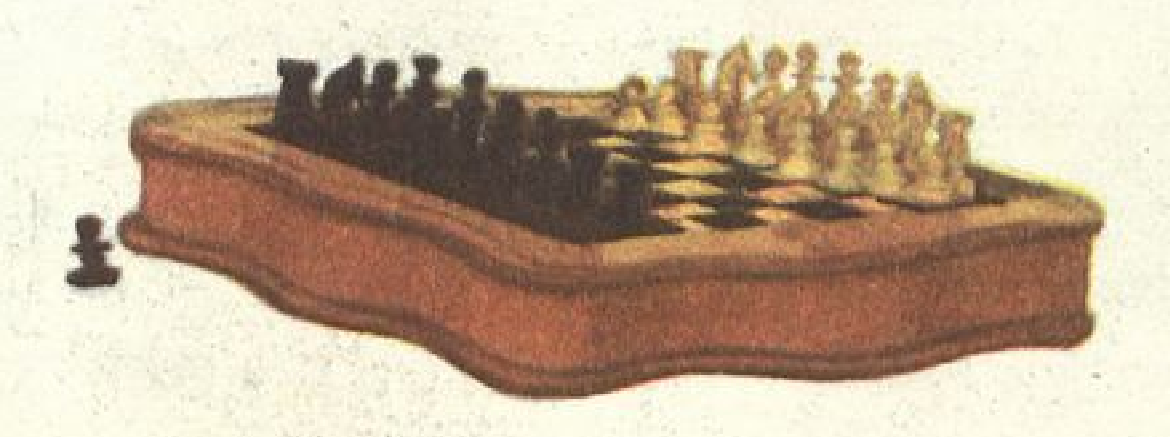
Уголок гостиной и кабинет отца
Владимира Ильича в доме Ульяновых.

Рояль в гостиной дома Ульяновых.

Тут прожили они семнадцать лет...
Столовая.
Отцовский кабинет.
Стоит рояль в гостиной,
Будто ждёт,
Что кто-нибудь сейчас играть начнёт...

Простые вещи в комнатах стоят,
Но как они о многом говорят!
И кажется,
Что может каждый миг
Сюда войти Ульянов-ученик
И на ходу с улыбкою сказать:
„По алгебре и по латыни — пять!“

На этом стуле с книжкой он сидел.
Из этого окна во двор глядел.
Он эти книги с книжной полки брал
И шахматами этими играл...

Дом с мезонином.
Маленький музей.
Открыт всегда, для всех его друзей!

Любимые, заветные места,
Где родилась великая мечта,
Где поднимался русский мальчик, тот,
Что стал потом грозой
Для всех господ!
Врагом для тех, кто жил чужим трудом,
А для людей трудящихся —
Вождём!

*

Родился Ленин в тихом городке —
В Симбирске,
Что на Волге, на реке.

За много лет окреп и поднялся
Тот городок, где Ленин родился.

И в честь Ульянова,
Что жил и вырос тут,
Теперь Симбирск Ульяновском зовут.

И в каждом доме загорелся свет.
И в каждом доме — Ленина портрет.

А. НЕКРАСОВ

Рис. В. ЩЕГЛОВА

СРОЧНЫЙ ГРУЗ

Лида Макарова дала братишке билет в Дом пионеров, и Стёпа пошёл на ёлку. Вернулся он чем-то огорчённый, уселся к своему столу и раскрыл книжку про моряков.

А на другой день во дворе Стёпа рассказывал друзьям:

— ...Я пошёл домой и заблудился немножко. Зашёл в комнату модельного кружка, а там такие столы! А на них рубанки, стамески, сверло... А на полках корабли. Какие хочешь.

— А нам, — перебил Володя, — можно в этот кружок записаться?

— Я спросил. «Нет, — говорят, — рановато, годика через два».

— Вот так всегда, — сказал Володя.— За что ни возьмись, всё «рановато». В футбол играть — «рановато», в кружок — «рановато». А что мы, маленькие, что ли?

— Не маленькие, а всё равно не запишут, — сказал Стёпа. — Такая уж наша судьба. А мы давайте из снега линкор построим или торпедный катер. А?

— Давайте! — подхватили ребята и побежали на школьный двор.

Катер получился наславу. На носу поставили пулемёт, а на корме — два торпедных аппарата из новых водосточных труб. Эти трубы с осени лежали на заднем дворе, и из-за них чуть не вышла крупная неприятность.

Завхоз Иван Никанорович, как увидел Стёпу, так и начал его отчитывать:

— Это что же, Макаров, получается? Я буду материал для ремонта готовить, трубы к примеру, а ты будешь растаскивать?

— Так мы же не насовсем, — оправдывался Стёпа, — мы только поиграть, вы поглядите сами...

— Ну, пойдём, погляжу, — согласился Иван Никанорович и вместе со Стёпой пошёл к катеру. Осмотрел его со всех сторон и сказал: — Ладно, ребята, играйте пока, а как надоест, ты, Макаров, мне лично вернёшь эти трубы. Ясно?

А к вечеру началась оттепель. Потянуло откуда-то влажным ветром, закапало с крыш. Когда ребята утром пришли в школу, борта у катера расползлись, рубка осела набок, мачта покосилась. Ребята постояли, посмотрели на свой катер, забрали трубы и понесли на задний двор.

— Что больно скоро отплавали? — встретил их Иван Никанорович. — А я думал: смена нам растёт! Я ведь тоже моряк, на линкоре служил, комендором. Наш корабль до сих пор в строю.

— А наш растаял, — грустно сказал Стёпа, — за одну ночь...

— Тут уж ничего не попишешь, — посочувствовал Иван Никанорович. — А вы бы новый построили, настоящую модель.

Предложение пришлось ребятам по душе. Тут же решили строить корабль и тут же заспорили: какой строить?

— Линкор, — сказал Володя, — с пушками, и чтобы стреляли...

— Лучше эсминец, они самые быстрые, — предложил Боря.

— А почему непременно военный? — перебил Иван Никанорович. — Стройте, ребята, морской теплоход. А ещё лучше —

речную баржу-самоходку. Это сейчас самые нужные корабли. А у меня и материал есть как раз подходящий. Пошли на склад, сейчас и выберем...

В тот же вечер ребята привезли на салазках здоровенный берёзовый кругляк, толстый, как бочонок, затащили в квартиру к Макаровым и тут же принялись стругать. Лида ворчала, конечно:

— Устроили лесопилку. Вечно этот Степан что-нибудь придумает. Только мусор от них. Прогнала бы их, мама!

— Ничего, — сказала мама, — мусор они уберут, я сама послежу, а мастерить— пускай мастерят, на то они и мальчишки.

— Подумаешь, мастера! — презрительно сказала Лида, повернулась на каблучках и с той поры нарочно недели две не заглядывала в Стёпин угол. А когда заглянула — глазам не поверила: вместо круглого чурбана лежала на полу гладко обструганная болванка, уже похожая на корабль, и мальчики острыми стамесками понемножку, аккуратно выбирали из неё лишнее дерево.

— Это вам года на два как раз и хватит, — сказала Лида.

— А нам не к спеху, — отозвался Стёпа. — Сама же всегда говоришь: «Тише едешь — дальше будешь»!

— А вы далеко собрались? Небось, на Цимлянское море?

— Куда собрались — это наше дело, — сказал Стёпа. А Лида постояла ещё, посмотрела, как ловко ребята управляются со стамесками, повернулась и ушла. Но слова её запали в память ребятам, и однажды, придя за советом к Ивану Никаноровичу, Стёпа спросил, будто невзначай:

— А до Цимлянского моря наша баржа дойдёт, не потонет?

— Потонуть не потонет, — сказал Иван Никанорович, — а вот доплывёт ли — это вопрос! Путь далёкий, и к берегу прибиться и обсохнуть может. А главное — мальчишки: увидят, зачалят, тут ей и конец. Ну, а дело-то как, идёт помаленьку?

— Дело-то идёт, — сказал Стёпа. — Завтра красить начнём...

Крепко задумались ребята о том, как послать баржу прямо в Цимлянское море. И с Иваном Никаноровичем об этом советовались и со старшей вожатой Шурой, и, наконец, все вместе придумали приделать к палубе плоский флакон и засунуть туда письмо. А в письме— рапорт об отметках звена, привет из Москвы и прось-

ба, чтобы пропустили баржу по всем водным путям.

— Давайте, ребята, от всего отряда напишем. Так лучше будет, — предложил Стёпа и пошёл посоветоваться с Шурой.

— Это вы хорошо придумали, — сказала Шура, — а ещё лучше, если вся дружина подпишет.

С тех пор все ребята стали посматривать на Москву-реку, ждали, когда пройдут под широкими мостами первые льдины, и тянулись изо всех сил, чтобы не попасть в рапорт с тройками и двойками.

Баржа, совсем готовая, стояла в пионерской комнате, а Стёпа ходил, плотно сдвинув брови, и всё думал, что бы такое изобрести, чтобы баржа непременно дошла, куда нужно. И вот тут выручила брата Лида.

— Слушай, Степан, — сказала она однажды, — а груз может взять ваш корабль? Килограмм поднимет?

— Килограмм? — переспросил Стёпа. — Да мы одного балласта пять кило положили. А ты — килограмм! А что?

— А вот что. Ты там скажи ребятам: в прошлом году в лагере наши девочки собрали семена красных маков. Ну вот мы и решили на вашей барже отправить их на Волго-Дон. Пусть там клумбу засеют нашими маками. Возьмёте?

— Это можно, — сказал Стёпа. — Возьмём, почему не взять...

А на другой день семена запаковали, уложили в баржу, а в плоский флакон вложили такой документ:

«Срочный груз! Посевная! Адрес: Управление Цимлянского гидроузла. Цимлянское море. Всем, всем, всем! Просим обеспечить срочную проводку баржи «Пионерская № 1» по всем водным путям до места назначения...»

И вот, наконец, отзвенели весенние ручьи. Москва-река вздулась, помутнела. Проплыли вдоль гранитных набережных последние льдинки, и однажды в воскресенье две дружины в строю подошли к берегу. Вот они спустились к реке, осторожно поставили на воду модель с флагом на мачте. Стёпа встал на колени, толкнул баржу на самую быстрину, и поплыла «Пионерская № 1», унося в дальний путь рапорты двух дружин, привет из столицы и подарок строителям Волго-Дона.

А ребята стояли над рекой, смотрели, как плывёт их кораблик, и когда самый зоркий глаз ничего уже не мог разглядеть, всё равно ещё долго стояли, и каждому хотелось верить, что вода донесёт их подарок до нового моря.

...С тех пор прошло много дней. Кое-кто уже начал забывать об этой славной затее. И вдруг из города Горького пришло в школу письмо. А в письме капитан парохода «Урал» писал ребятам, что идёт с караваном барж на Цимлянское море, что встретил на пути их баржу, взял на буксир и ведёт к Сталинграду.

«У меня было шесть барж за кормой,— написал он в конце, — с вашей будет семь. Наш экипаж обещает, что в пути не задержимся и весь груз доставим в срок».

Г. СКРЕБИЦКИЙ *Рис. Г. ПОЗИНА*

НА СЕВЕРЕ

В начале мая приехал я из Москвы на Белое море. За одни сутки скорый поезд пронёсся более тысячи километров, и мы обогнали весну, которая не спеша, со всеми своими гусями, лебедями и бесчисленной птичьей мелочью, тоже двигалась с юга на север.

Так и посчастливилось мне в тот год два раза встретить весну: один раз в Москве, а другой раз — у Белого моря.

И до чего же хорошо в эту пору в суровом лесном краю! Вот где природа действительно ликует после долгого зимнего сна!

День прибывает не так, как у нас — «на воробьиный шаг». Весною на севере ночь будто тает, как остатки льда по рекам и озёрам. Да природе есть куда и торопиться. От сплошной темноты зимою нужно перейти к летнему круглосуточному дню. Солнцу нужно успеть растопить глубокие зимние снега и хорошенько прогреть землю, чтобы всё кругом зацвело, зазеленело. Ведь недолго гостят на севере весна и лето. Вот солнце будто и спешит в этот короткий срок отдать земле побольше тепла и света.

Я наблюдал за ходом весны прямо из окна своего домика. Перед моим окном был палисадник. В нём росло несколько молодых берёзок, и через их тонкие ветви виднелась просторная гладь Белого моря.

Оно уже очистилось ото льда. Огромные стаи гусей и уток неслись над водой. Птица летела больше ночами, когда море серебрилось и поблёскивало, отражая свет негаснущей зари.

Иногда утки, гуси и даже лебеди опускались на море отдохнуть. Они плавали и купались в ледяной воде, радостным криком оглашая тишину весенней ночи. А как только край неба над морем начинал розоветь, птицы вновь поднимались в воздух и летели навстречу свету, куда-то в ясную предутреннюю даль...

Часто ко мне в домик прибегали после уроков мои маленькие приятели — юннаты из местной школы. Мы вместе отправлялись бродить по окрестностям, стараясь подметить, что нового приносит каждый весенний день. Я рассказывал детям, как гнездятся дикие птицы, как выводят, выращивают птенцов, и о том, как надо любить и беречь нашу родную природу.

А однажды, в воскресенье, выйдя поутру к морю, я ещё издали услышал, что мои приятели о чём-то громко кричат и спорят на берегу.

Я подошёл поближе и увидел среди ребятишек молодого парня в рыбачьей одежде. Он едва удерживал в руках связанного живого лебедя.

— Пусти, пусти его! — требовали ребята.

— Разве можно весной птиц ловить?! Их охранять надо! — кричали они.

Рыбак, видно, совсем растерялся от такого натиска.

— А ребята-то правильно говорят, — вмешался я, — зря вы лебедя поймали.

— Да я вовсе и не ловил, — ответил рыбак, — он сам на отмели в сети запутался, вот я его и взял.

— А почему не выпустил? — опять зашумели дети. — Это, наверное, лебёдка. Лебедь до самого берега за лодкой гнался. Вон и сейчас всё плавает, не улетает.

Я взглянул на море: действительно, метрах в двухстах от берега беспокойно плавала большая белая птица.

— Да разве я что говорю... — смущённо ответил парень. — Коли так, можно и выпустить. Пускай себе на воле живёт.

— Вот это верно! — обрадовались ребята.

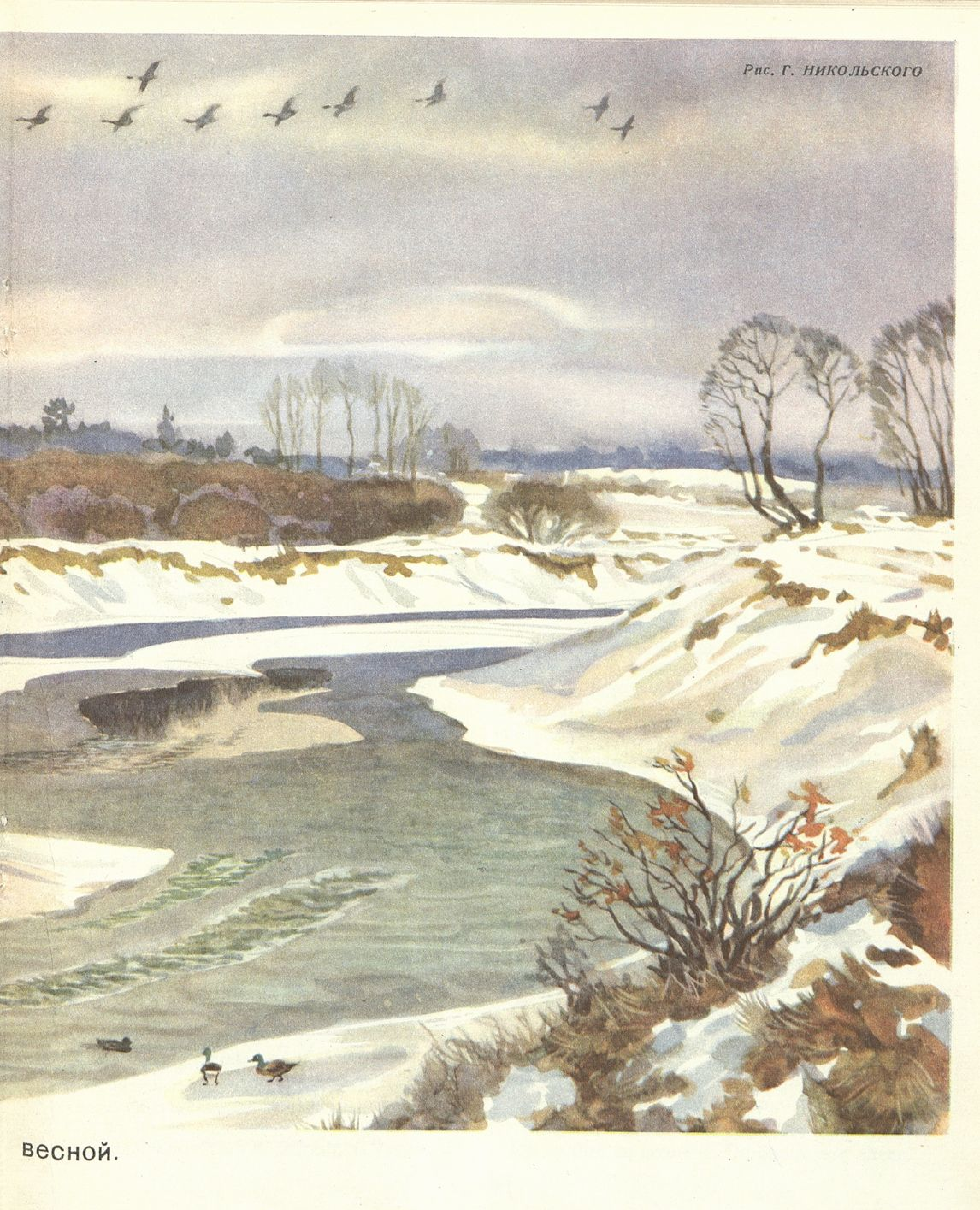
Рыбак развязал крылья пойманной птице и опустил её на землю.

Почуя себя вновь на свободе, лебёдка бросилась в море, замахала крыльями, будто побежала по воде, потом оторвалась от неё и полетела вдаль, оглашая воздух громким, радостным криком. А навстречу, так же крича, уже летел давно поджидавший её лебедь. И вот обе птицы, плавно махая огромными белыми крыльями, полетели над морем всё дальше и дальше, туда, где на самом горизонте темнели низкие пологие острова.

Ранней

весной.

В. ДОННИКОВА

ВЕСНОЙ

Шумный трактор вышел в поле,
Трактористка — у руля,
Теплотою и привольем
Дышит чёрная земля.

Будто в горнице богатой,
В поле чисто и светло;
На травинку шмель мохнатый
Опустился тяжело.

Пораздвинулись широко
Занавески-облака,
А плуги идут глубоко,
И земля для них мягка.

Вдруг в просторе светлом, чистом
Ветер холодом пахнул,
Закружился он со свистом,
В небе облако толкнул.

Ветер дует, ветер пляшет,
Но весна сильней его...
Трактористка землю пашет
И не слышит ничего.

Режет острыми плугами
Землю влажную она,
Рядом тёплыми руками
Помогает ей весна!

ТЕМБОЛ БАЛАЕВ

Течёт Арпачай

Течёт среди гор Арпачай
Порывисто, торопливо,
И землю сечёт Арпачай
На два непохожих мира.
Течёт среди гор Арпачай.

Левый берег — советский,
Правый берег — турецкий,
А там, где река струится,
Проходит граница.

И хлопок у нас на полях,
И в сёлах сады густые.
Их берег совсем зачах.
Посмотришь — скажешь: пустыня!

На нашем дома хороши,
И окна сверкают ярко.
Лачуги у них, шалаши
Да глиняные хибарки.

На нашем электросвет,
И радио, и кино.
У них даже лампочек нет,
Ночами темным-темно.

Течёт среди гор Арпачай
Порывисто, торопливо,
И землю сечёт Арпачай
На два непохожих мира.
Течёт среди гор Арпачай.

Наш берег — цветущий сад,
Отчизна счастливых людей,
И люди наши глядят
Уверенно в завтрашний день!

Перевёл с осетинского Н. Глазков

Я. ТАЙЦ

Рис. В. БОГАТКИНА

УЧИТЕЛЬ ДЕВИС

Расскажу вам про одну американскую школу. Помещается она на окраине города, в бывшем гараже, и в ней до сих пор ещё пахнет бензином и смазочным маслом. По старой памяти, к широким дверям порой подкатывают машины, и тогда дряхлый привратник, негр Сид, снимает с головы мятую соломенную шляпу и вежливо говорит:

— Простите, сэр, гараж теперь там, в новом доме, а здесь теперь школа, сэр...

Он трясёт медным, позеленевшим от времени колокольчиком:

Дрин-дрин... Первый урок!..

Ребята спешат в класс. Парт нет, и все сидят на длинных колченогих скамейках: и рослый Джо Смит, и тихий Эдди Говардсон, и негритёнок Джимми Райт, и драчун Бен Кроус... А в сторонке с куклой на руках сидит совсем ещё маленькая Лиззи, внучка старого Сида. Она ещё не учится, а просто заходит посидеть.

Все смотрят на учителя. Он высокий, худой, седой и совершенно не похож на других учителей! С Сидом он обращается, как с белым, детей не колотит линейкой по голове, не щиплет...

Когда-то он был в России и частенько вспоминает об этом. Вот и сегодня он после уроков сказал:

— Сид, подежурьте там, у входа. В случае чего дайте сигнал вашей «музыкой», — он показал на колокольчик.

— Хорошо, сэр.

Старый учитель садится поближе к ребятам и начинает рассказывать:

— Когда-то, в молодые годы, завербовался я в армию. По глупости, конечно. Посадили нас, красавчиков, на пароход и повезли за океан, в далёкую огромную Россию. Мы там должны были прогнать большевиков.

Все внимательно слушают. Даже непоседа Бен притих и перестал жевать резинку.

— Приехали мы туда, а там незадолго до того была революция. У власти стал народ, простые люди, рабочие и крестьяне. И вот я начал задумываться: а почему мы, американцы, должны мешать народу строить новую, свободную жизнь? И в душе я, признаться, был рад, когда русские нас прогнали и мы вернулись в Америку.

Учитель смело рассказывает обо всём. Он не боится доносов. Он знает, что здесь,

в этой школе, сидят сплошь дети бедняков. Они не выдадут!

И он продолжает:

— Вернулся я и поступил в колледж. Стал учителем. Но бизнес я делал плохой. За правдивое слово меня отовсюду выгоняли, увольняли, два раза в тюрьму сажали...

Дети сидят тихо-тихо. Вдруг за стеной раздалось отчаянное:

Дрин-дрин-дрин...

И сразу же дверь распахнулась, и на пороге показался невысокий толстый человек в чёрном котелке. В руках у него был туго набитый саквояж.

— Хелло, мистер Девис! Зачем столько звону?

Дети встали. Это был школьный инспектор мистер Гоббс. Он взгромоздил саквояж на учительский стол и спросил:

— Сколько у вас учеников?

— Мне кажется, мистер Гоббс, вы забыли снять шляпу, — тихо сказал учитель.

— Мне не до шляпы сегодня, — отозвался Гоббс. Однако он снял котелок, вытер потный лоб и показал платком на шеренгу ребят: — Я спрашиваю, сколько их у вас?

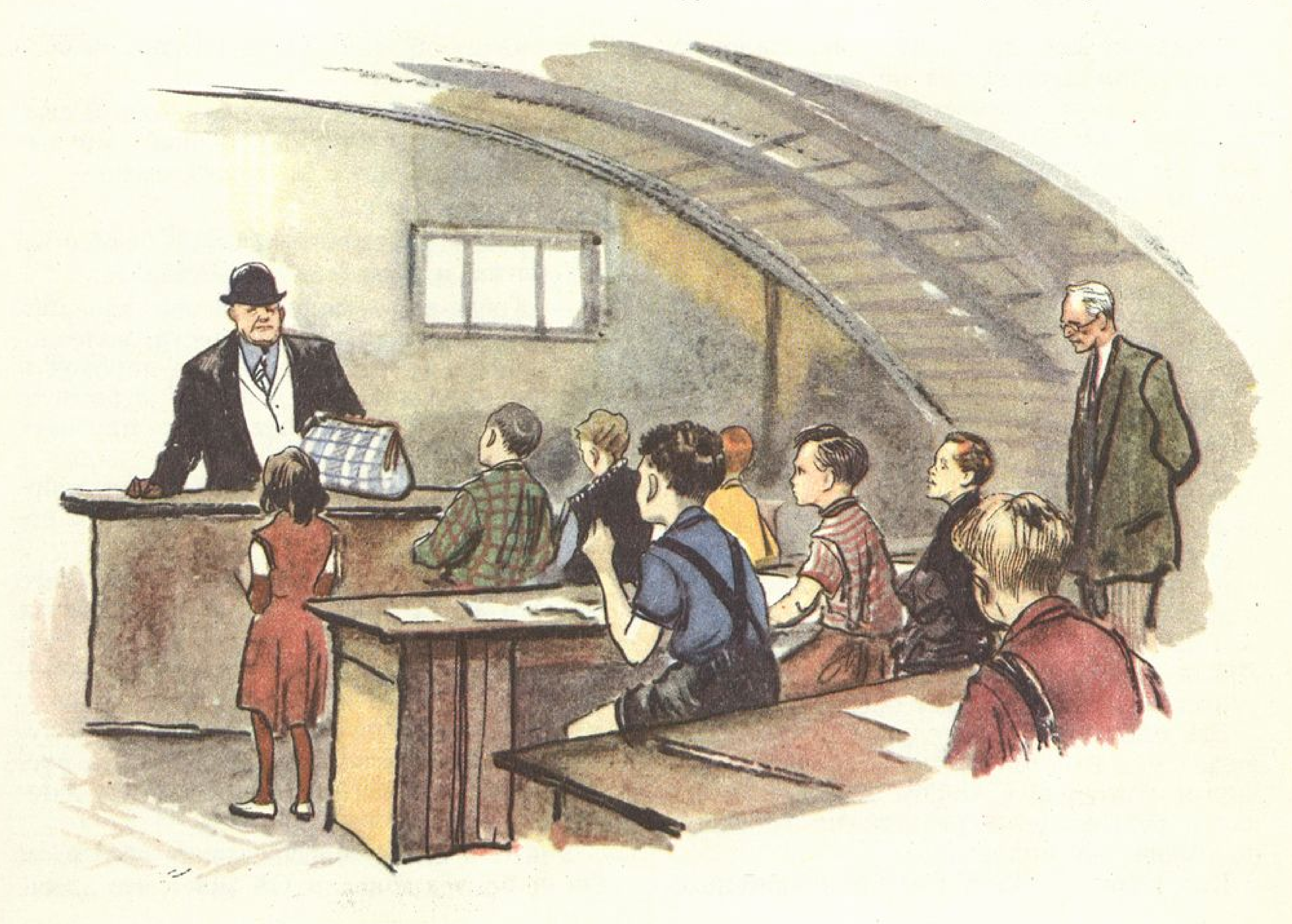
— По списку сорок восемь, — ответил учитель, — не считая, конечно, вон той маленькой, с куклой. Сядь, Лиззи, не бойся. Да вы все сядьте, дети!

— Нет, ничего, пускай постоят! — сказал Гоббс. Он рывком распахнул саквояж, запустил в него руки и вытащил чёрную бутылку и целую пригоршню блестящих кружочков.

— Вот! — Он стал считать кружочки. — Мистер Девис, тут ровно сорок восемь штук. Раздайте их ученикам. Пусть каждый напишет этими специальными чернилами на жетоне своё имя и носит постоянно при себе.

— Зачем? — удивился учитель.

— На случай воздушной атаки. Если русские на нас нападут и сбросят бомбу,

то по жетонам опознают, кто именно погиб.

Стало тихо. Маленькая Лиззи уронила куклу и негромко заплакала. Старый учитель подошёл к ней:

— Не плачь, малютка! Не плачь! — Он положил ей руку на голову. — Никто на тебя и не думает нападать! Не бойся, Лиззи!

Он повернулся к Гоббсу.

— Зачем вы, мистер Гоббс, пугаете детей всяким вздором? Не бойтесь, дети! Помните, я вам рассказывал: русские стоят за мир. Они никогда ни на кого не нападают.

— О, вот вы какие песни запели! — протянул мистер Гоббс. — Но мы с вами поговорим в другом месте! А вы, ребята, разбирайте жетоны, да поживей! Мне некогда.

Первым к столу вышел Джо, за ним Бен, за ним Джимми и все остальные. Даже маленькой Лиззи тоже достался жетон.

Мистер Гоббс щёлкнул саквояжем, крикнул:

— Всем срочно заполнить, я завтра зайду, проверю! — и, не глядя на учителя, вышел из школы.

Старый учитель долго сидел с опущенной головой. Потом он вздохнул и тихо сказал:

— Ну что ж, дети, будем заполнять!

— Не надо! — крикнул Бен.

— Нет, надо! — вскочил Джо. — Только по-другому, по-своему... Учитель, подиктуйте нам, чтобы ошибок не было!

Писать вязкими чернилами на скользких жетонах было нелегко, но все старались, кто как мог...

Утром явился Гоббс.

— Ну, как жетоны, готовы?

Ученики стали подходить к столу и выкладывать свои жетоны. Мистер Гоббс вдруг покраснел и ударил кулаком по столу так, что все жетоны подпрыгнули.

— Это вы их научили! — крикнул он и кинулся к учителю.

Но тут все ученики окружили его:

— Мистер Гоббс, не трогайте нашего учителя! Мистер Гоббс, не трогайте!

Гоббс оглянулся, увидел толпу детей, всех растолкал и бросился к выходу. А вслед ему дождём полетели жетоны, на которых детской рукой было написано:

«Мы за мир!»

«Долой войну!»

А за стеной заливался колокольчик старого Сида, и казалось, будто в его звоне тоже слышно:

— Мы за мир!.. Долой войну!

А когда на другой день ребята пришли в школу, их на пороге встретил плачущий Сид.

— Зачем вы пришли? — повторял он.— Наша школа закрыта!.. Они приехали ночью... на полицейской машине, они стащили нашего учителя с постели... Они били его... Они увезли его...

Слёзы катились по его чёрному лицу, и он поминутно утирал их рукавом. А рядом с ним стояла маленькая Лиззи с куклой на руках. На шее у куклы болтался большой круглый жетон с надписью: «Кукла Мери, дочка Лиззи Хиггенс»...

Э. ШИМ

Рис. В. ТРОФИМОВА

ТЯЖКИЙ ТРУД

Зимой не только зверям, а и птицам с кормом трудно приходится. Даже дятлу, у которого еды вроде всегда полно, и ему крепко надо поработать, прежде чем до еды доберётся.

Как поработать? Носом по шишке постучать, думаете?

Как бы не так. Постучать носом для дятла пустяк, есть задачи потрудней. Какие? А вот.

Шишки в лесу где найдёшь? На земле редко спелые попадаются, больше негодных падает. А зимой, после большого снега, на земле и вовсе ничего нет: лежит белая скатерть под деревьями, без единой крошки.

Хоть нос у дятла длинный да крепкий, всё равно копаться им в снегу не будешь. Да и кто знает, где под снегом шишка лежит, — разве её найдёшь?

Значит, приходится добывать с ёлок, висячие.

А это не так-то просто.

У свежей шишки черенок плотный, крепкий, попробуй-ка оборви!

Вот и пробует дятел.

Откусить — нельзя: нос для кусанья не приспособлен, зубов не имеется.

Оторвать — нечем: на лапах висишь, а рук нет.

Отдолбать носом — не удаётся: на тонкую ветку прочно не усядешься, по тоненькому черенку с размаху носищем не попадёшь.

Очень трудно!

Остаётся одно — подлететь к шишке, носом, как щипцами, — раз! — уцепиться за шишку и... повиснуть на ней.

Только так и оторвёшь.

Хоть не очень-то приятно висеть на собственном носу, да что поделаешь...

А постучать носом — это пустяк!

З. АЛЕКСАНДРОВА *Рис. Т. ЕРЁМИНОЙ*

ШАРИК

Подарили нашей Варе
Шарик с красным петушком.
Ой, какой красивый шарик!
Все мечтают о таком.

Но поднялся ветер вдруг,
Шарик выхватил из рук.

Улетает лёгкий шарик
Высоко под облака.
Чуть не плачет наша Варя:
Очень жаль ей петушка.

Ребятишки собрались,
Все кричат и смотрят ввысь.

Подошла к подружке Таня:
— Ну, чего же мы стоим?
Шарик твой мы не достанем,
Так давай играть с моим.

Посмотри, цветок на нём,
Будем с ним играть вдвоём!

ЕЛЕНА БЛАГИНИНА

ТОП-ТОП

Тяжела дорога
От печки до порога.
От порога до стола
Тоже очень тяжела!

Топ-топ,
Топ-топ...
Покачнулась — шлёп!
И сидит — не плачет,
Не ушиблась, значит.

Рис. Е. РАЧЁВА

МЕДВЕЖЬЯ ЛАСКА

СКАЗКА

Голодный медведь вылез из своей берлоги. Кругом белым-бело от снега, а поживиться нечем. Только снежинки прыгскок — то в глаз угодят, то на нос сядут, да добро бы смирно сидели, а то растают в капли, дразнят, щекочут.

Бредёт по тайге медведь, сердится — и споткнулся о дуплистый пень. А в том пеньке зимовал бурундук.

Начал медведь со злости трясти пенёк, лапами царапать, зубами грызть, а пень заупрямился и не поддаётся. Крепок был — не по силе отощавшему за зиму мишке.

Ещё больше осерчал медведь да как зарычит:

— Эй ты, рыжехвостый лентяй, вылезай из своей норы!

— Дедка медведь, ты зачем сердишься на меня? — отозвался бурундук из своего дупла. — Чем я тебя разгневал, чем не угодил?

— Я сержусь на м о к р о. Оно разбудило меня и выжило из бер-

логи. Вылез, а еды нет, — ответил медведь. — Не осталось ли у тебя от запасов чего? Покорми — я с осени ничего не ел.

Бурундук высунул из дупла свою острую мордочку, махнул метёлкой-хвостом и пропищал:

— Не рычи, дедка, не ломай мой пенёк. Я тебе сейчас из своих запасов толику уделю.

Выскочил бурундук из дупла, подбежал к кочке под большой валежиной, порыл, порыл лапами — и давай таскать из своей кладовой зимние припасы: орешки кедровые, семечки из сосновых шишек, грибы сушёные, травинки, былинки. Целую горку натаскал, чтобы угодить медведю, а потом на задние лапы встал, хвостом помахал и сказал:

— Кушай, дедка, угощайся, да не обессудь на малом. А для себя у меня в другом месте ещё припасено.

Покушал медведь бурундуковы припасы и повеселел.

— Спасибо, друг бурундук, век тебя не забуду, — сказал медведь и погладил бурундука по спине своей лапой. Легонько погладил, по-дружески, а всё-таки снял несколько полосок кожи. Медвежьи царапины зажили, а на их месте выросла другая шерсть — потемнее.

Вот с тех пор и стал бурундук полосатым, а раньше у него шкурка была гладкая, рыжевато-серенькая, совсем как у летней белки.

Помнит ли медведь о бурундуке, а уж бурундук медвежью ласку на всю жизнь запомнил!

ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА

Рис. В. СУТЕЕВА

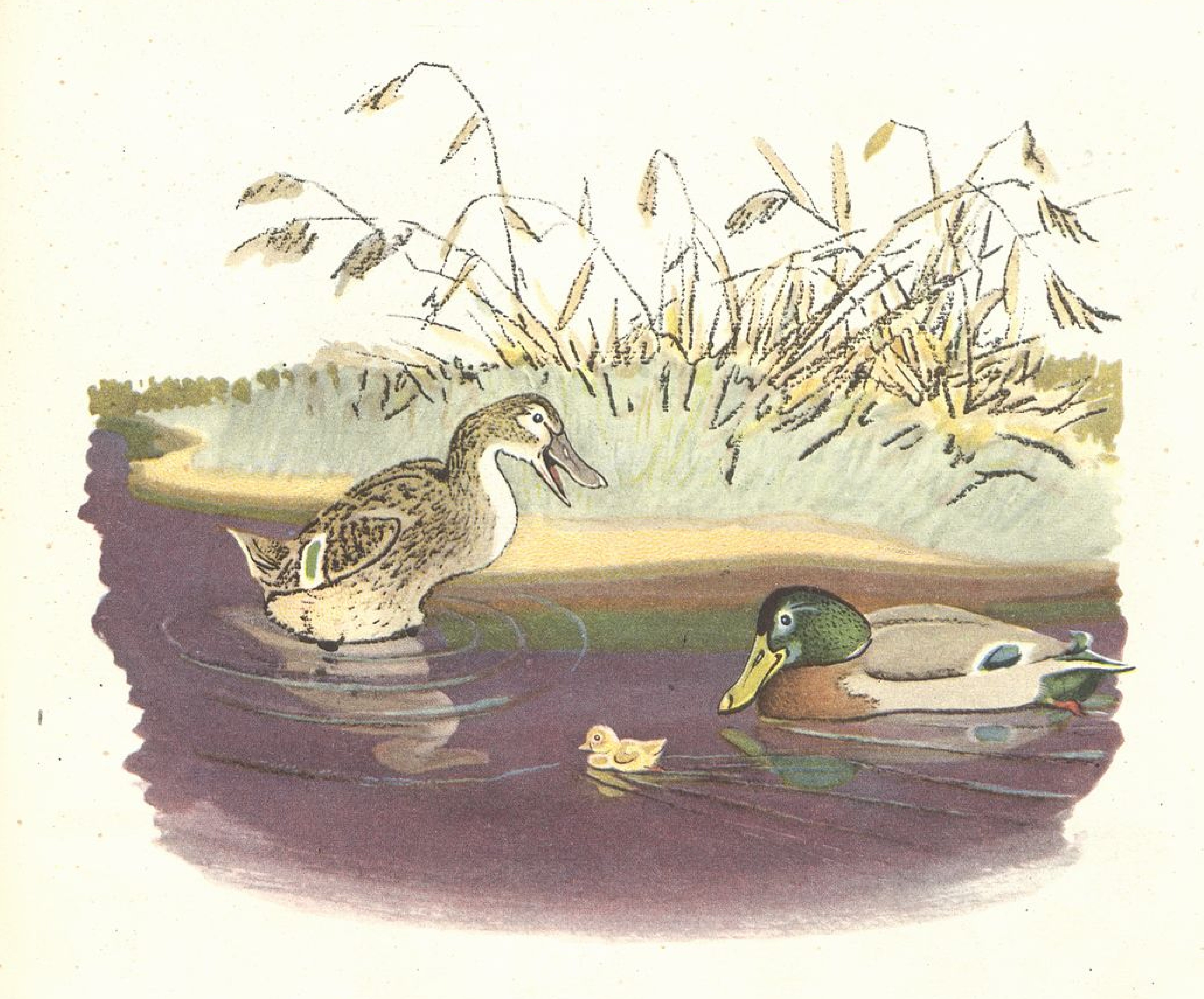

Как вы думаете, ребята, кого испугался этот котёнок и что потеряла девочка?

А где спрятались мальчики, которые повесили скворешню, где скворцы, сколько их? Не найдёте ли вы того, кто пускает кораблик?

Если всех отыщете — напишите нам в редакцию «Мурзилки».

СПОСОБНЫЙ УТЁНОК

Он выпорхнул только вчера из яйца,
А плавает, право, не хуже отца.

И. ВОРОБЬЁВА

На обложке рис. А. Ермолаева „Дети у памятника В. И. Ленину в Ульяновске“.

Художественный редактор Н. Попов *Рукописи не возвращаются* *Технич. редактор З. Тышкевич*

Год издания двадцать восьмой **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущёвская ул., 21. Тел. Д 3-20-90, доб. 1-06. А02219 Подп. к печ. 28/II 1952 г.
2,8 уч.-изд. л. Бумага 60×92$^{1}/_{8}$=1,5 бум. л.=3 печ. л. Тираж 250 000 экз. Заказ 392

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Сущёвская, 21.

Рисунок Вячеслава Галанова (11 лет).

Рисунок Нади Самохиной (10 лет).